

Лю Ли в сопровождении служанки вела Люцзина и его спутников по оживленным улицам города, решив лично проводить их к Цюй Шаоцзы.

По дороге Лю Ли щебетала без умолку, и Люцзин вскоре уяснил, что этот молодой господин Цюй — страстный любитель птичьих боев, за что в Южном округе его прозвали не иначе как «Королем птиц». Нетрудно было представить, каким взбалмошным и непоседливым рос этот юноша.

У входа в Первую Птичью Башню было не протолкнуться. Любители пернатых бойцов — кто с гордым, кто с раздосадованным видом — то и дело сновали туда-сюда, бережно сжимая в руках резные клетки. Само трехэтажное здание поражало купеческим шиком и великолепием, а у дверей красовались поэтические строки: «Взрастишь лучшую из птиц — удержишь весну за весной».

Среди гостей мелькали как праздные сыновья богачей, так и простой люд. Но, как уверяла Лю Ли, вся золотая молодежь Южного округа собиралась исключительно на третьем этаже. Стало быть, искать Цюй Шаоцзы следовало именно там.

Стоило войти под своды башни, как на них обрушился многоголосый гул. Мужской ор, крики зазывал и яростный клекот дерущихся птиц сливались в оглушительную какофонию. На первом этаже царила сутолока. Чтобы хрупкую Лю Ли не зажали в толпе, благородный Се Биань пошел рядом, заслоняя ее плечом. Люцзин прокладывал дорогу впереди, а Фань Уцзю присматривал за испуганной служанкой.

На втором этаже суэта немного утихла, а на третьем и вовсе остались лишь чистые птичьи трели. Здесь убранство отличалось изысканной простотой. Вместо тяжелых дверей и окон проемы закрывали длинные нити жемчужных занавесей. При малейшем дуновении ветра они тихо сталкивались, издавая нежный перезвон, похожий на стук нефритовых подвесок. В напольных вазах из тончайшего селадона пламенели разноцветные хризантемы, наполняя залу едва уловимым, горьковатым ароматом.

Людей здесь было немного — от силы десятков юношей. Но один из них сразу приковывал к себе взгляд. Одетый в парчу с расшитым поясом и увенчанный резной нефритовой заколкой, этот молодой человек выделялся не только яркой внешностью, но и поразительным сходством с Вэй Чжиюэ. Очертания лица совпадали почти на восемь долей из десяти, разве что он смотрел не с утонченной кротостью Чжиюэ, а с дерзкой, бьющей через край спесью.

Он небрежно держал чашку чая правой рукой, левой поигрывая фарфоровой крышечкой, и с ленивой усмешкой наблюдал за происходящим на квадратном столе. Там высилась резная клетка, внутри которой стремительно носились два пернатых бойца. Они кружили с такой скоростью, что сливались в один пестрый клубок. О ярости схватки можно было судить лишь по залиvistому, злобному щебету.

Фань Уцзю бесшумно скользнул к Люцзину и шепнул ему на ухо:

— Забавно. Никогда бы не подумал, что у такой кроткой барышни, как девица Вэй, окажется столь драчливый братец.

— Не спеши, давай сначала присмотримся, — вполголоса отозвался Люцзин.

Юнцы вокруг стола шумно подбадривали птиц, сопереживая каждому удару клюва так, словно дрались сами. Они горели азартом.

Соперник Цюй Шаоцзы, судя по всему, тоже был непростого десятка. На вид он казался на несколько лет старше Шаоцзы, а в его манерах вместо юношеского задора сквозило нечто темное, порочное.

Облаченный в глубокие черные одежды с широкими рукавами и подпоясанный золоченым ремнем, он держался с пугающим изяществом. Его надменность ничуть не уступала спеси Шаоцзы — оба стояли друг друга.

Тем временем битва в клетке достигла апогея. Пронзительный писк перерос в неистовый визг, но вскоре движения бойцов замедлились. Теперь зрители могли разглядеть, что в клетке сцепились два перепела — угольно-черный и белоснежный.

Белая птица с длинной шеей и куцым хвостом казалась чистым комочком снега, похожим на крошечного журавля. Черный же перепел был невзрачным, приземистым, но на удивление крепким. Белый превосходил его в скорости, зато черный затаивался и наносил разящие, безошибочные удары. Птицы дрались безжалостно, не требуя понуканий от хозяев.

Они кружили по клетке, намертво вцепившись друг в друга, готовые погибнуть, но не уступить. Белый перепел, улучив момент, взлетел повыше, спасаясь от острых когтей, и вскоре переломил ход боя. Черный зашатался, завалился набок и остался лежать на дне клетки, тяжело и хрипло дыша. Юнцы разочарованно повздыхали. Цюй Шаоцзы с торжествующим видом передал чашку слуге и с улыбкой посмотрел на противника:

— Фэн Куй, ты проиграл.

Фэн Куй на секунду замаялся, но тут же взял себя в руки и небрежно усмехнулся:

— Победы и поражения — дело житейское.

— А этот парень, Фэн Куй, не так уж плох, — тихо заметил Фань Уцзю.

"Всего раз человека увидел, а уже в друзья записал, — мысленно усмехнулся Люцзин"

Люцзин не стал спорить.

Цюй Шаоцзы хмыкнул:

— Уговор дороже денег. Надеюсь, сегодня вечером ты вернешь домой девицу, которую умыкнул вчера?

Фань Уцзю так и застыл, он испытал целую гамму чувств.

— Беру свои слова назад. И если тебе показалось, что я его похвалил, это была слуховая галлюцинация.

Люцзин едва сдержал улыбку:

— Поздно оправдываться. Больше не буду говорить, что ты слеп на оба глаза.

Между тем Фэн Куй, не обращая внимания на шепотки, холодно бросил:

— Хоть я и слышу негодяем, но слово свое держу. Прощайте, молодой господин Цюй.

Он небрежно поклонился и зашагал прочь. Слуга поспешно подхватил клетку с искалеченным перепелом и бросился за хозяином.

Победивших птиц ждала слава, побежденных же обычно ждала незавидная участь — их либо выбрасывали подыхать, либо пускали в суп. Пожалев несчастное создание, Люцзин незаметно шевельнул пальцами под длинным рукавом. Тонкий луч тусклого света скользнул к корзине слуги. Дверца клетки внезапно распахнулась, и едва живой черный перепел вдруг яростно захлопал крыльями, взмыл вверх под своды террасы и, к изумлению толпы, скрылся в вечернем небе.

Когда первый удивленный гул утих, раздался звонкий, как пение иволги, голосок:

— Брат Шаоцзы, ты снова победил!

Лю Ли уже протиснулась сквозь толпу и сияла от радости рядом с юношей.

Цюй Шаоцзы при виде девушки мгновенно смягчился, и его взгляд наполнился искренней нежностью:

— А ты как здесь оказалась?

Лю Ли вела себя с ним без тени жеманства. Схватив Шаоцзы за рукав, она бесцеремонно потащила его к гостям:

— Я хочу познакомить тебя с кое-кем очень важным!

Прежде чем юноша успел возразить, они оказались прямо перед Люцзином.

Цюй Шаоцзы едва исполнилось восемнадцать. Он еще не прошел обряд совершеннолетия и не носил мужской венец, но уже вытянулся, стройный и изящный, точно молодая яшмовая сосна.

— Лица незнакомые. Твои новые приятели? — спросил он прямо и отрывисто.

Лю Ли смущенно кашлянула:

— Вообще-то... это гости моего отца.

— Неужели дядя Лю снова затеял какое-то крупное дело? — Шаоцзы сощурился и цепко, не по годам проницательно осмотрел пришельцев. — Эти господа явно не из простых.

Се Биань сохранял на лице маску вежливого безразличия, не собираясь вступать в пререкания со смертным юнцом. Фань Уцзю благоразумно задвинулся за его широкую спину. Люцзину пришлось взять разговор на себя. Он вежливо поклонился:

— Молодой господин Цюй, много наслышан о вас.

Цюй Шаоцзы небрежно вернул поклон. Его язык оказался столь же острым, как и взгляд:

— Будет вам. Обо мне слава дурная, а прослышали вы, верно, о моем родителе.

Он попал в самую точку. Люцзин мягко улыбнулся:

— Молодой господин на редкость проницателен.

Шаоцзы не ожидал такой обезоруживающей прямоты и на миг растерялся. Справившись с секундным замешательством, он в упор уставился на Люцзина, изучая его с головы до ног:

— Позвольте узнать ваше имя?

— Мое имя Люцзин. А это мои братья, Се Биань и Фань Уцзю, — представил спутников бессмертный.

Шаоцзы на мгновение задумался:

— Се Биань... Фань Уцзю... Необычные имена. Весьма занятные.

Если бы облик судей загробного мира сейчас не отличался разительно от их истинного призрачного облика, Люцзин заподозрил бы, что этот юноша видит их насквозь.

Он непринужденно рассмеялся, отводя подозрения:

— Так нарекли нас старшие в семье.

— Раз уж судьба свела нас здесь, да еще и в такой удачный день, позвольте мне угостить вас обедом, — великодушно предложил Шаоцзы.

В мире смертных любые дела вечно крутились вокруг застолий. Люцзин мысленно вздохнул, но вслух ответил:

— От такого заманчивого предложения грех отказываться. Мы с радостью разделим с вами трапезу.

Они шумной компанией направились в «Обитель дум о питье». Трактирный зазывала, завидев Люцзина со спутниками в обществе самого Цюй Шаоцзы и барышни Лю, вытянулся в струнку, будучи крайне изумленным.

Шаоцзы щедрой рукой заказал лучшие яства заведения — восемь сытных блюд и чашу ароматного супа заняли весь стол. Фань Уцзю незаметно сглотнул слюну, восхищенный таким размахом.

Слуги и горничные бесшумно сновали вокруг, разливая вино. Роскошь богатых домов сквозила в каждой мелочи.

— Мое почтение дорогим гостям, — Шаоцзы поднял кубок, соблюдая все правила приличия.

Чтобы не показаться невежливыми, Люцзин, Се Биань и Фань Уцзю тоже потянулись к своим чаркам. Лю Ли потянулась было следом, но Шаоцзы тут же перехватил ее руку:

— Тебе еще рано вино пить. Сяо Лань, принеси своей хозяйке чаю.

Служанка поклонилась. Лю Ли обиженно надулась, но спорить не решилась, послушно наблюдая, как кубок с вином исчезает в руках Шаоцзы.

— Премного благодарны за гостеприимство, — ответил Люцзин.

Глядя на то, как заботливо Шаоцзы опекает Лю Ли, братья-небожители обменялись понимающими взглядами.

Сладкая влага обожгла горло, оставляя богатое фруктовое послевкусие. Хмель приятно ударил в голову, снимая усталость.

— Прощу простить мою бестактность, но что привело столь почтенных господ в Южный округ?
— невзначай поинтересовался Шаоцзы, отставляя чашу.

Люцзин тоже слегка улыбнулся, но тон его был искренним:

— До нас дошли слухи, что почтенный Цюй Му, ваш батюшка, собрал редчайшую коллекцию диких со всей Поднебесной. Мы с братьями питаем слабость к подобным вещам. Прослышав о скором начале выставки древностей, мы решили попытать счастья и снискать аудиенцию у господина Цюя.

Иногда ложь, слишком похожая на правду, сеет лишь больше подозрений. Шаоцзы хмыкнул:

— Что ж, вам повезло. Встретить дядю Лю — все равно что пройти половину пути к моему отцу.

— Полагаю, так и есть, — кивнул Люцзин. — А вторая половина пути... зависит от того, смогу ли я предложить вашему батюшке нечто такое, что заставит его лишиться дара речи от удивления?

Шаоцзы лукаво прищурился:

— Раз уж вы заговорили об этом, у вас наверняка припрятан козырь в рукаве.

Се Биань и Фань Уцзю молча наблюдали за этой словесной дуэлью, не вмешиваясь в тонкую игру намеков и полутонов.

— Даже если и так, мне в первую очередь хотелось сойтись знакомством с вами, молодой господин Цюй. В Южном округе все только и твердят о вашем незаурядном уме и талантах.

— Пустые слухи, — отмахнулся Шаоцзы, но лесть явно пришлась ему по душе. Он перевел тему: — А вот мне любопытно: вы так стремитесь к встрече с главой семьи Цюй, но много ли вам известно о нашем доме?

Люцзин загадочно улыбнулся:

— Самую малость.

"Потому и пришел разузнать, что вы за птицы такие, — подумал он"

— За встречу! — Шаоцзы вновь наполнил кубок и осушил его до дна. Гости последовали его примеру.

— И все же, какая именно редкость из сокровищницы отца лишила вас покоя? — спросил вдруг Шаоцзы без обиняков.

— Эта вещь слишком дорога и священна. Когда я предстану перед вашим батюшкой, вы сами все поймете.

Шаоцзы задумчиво вертел в пальцах тонкий кубок, внимательно изучая Люцзина. Собеседник казался старше него всего на пару лет, но держался поразительно зрело. Каждое слово Люцзина увязало в мягкой вежливости, словно удар, пришедшийся в тюк с хлопком. Шаоцзы невольно улыбнулся про себя — достойный противник.

— Что ж, сгораю от нетерпения, — произнес он и пригубил вино.

— В таком случае, за ваше терпение, — Люцзин приподнял свою чарку.

— Будьте здоровы, — Шаоцзы дождался, пока слуга вновь наполнит его чашу, и послушно выпил.

Кувшин быстро опустел, но юноша явно вошел во вкус и велел принести еще.

— И долго ли вы планируете гостить в наших краях? — поинтересовался Шаоцзы.

— Как только дело с сокровищем разрешится, мы покинем Южный округ.

Шаоцзы лениво чертил пальцем круги на лакированной столешнице, он оставался ясен и спокоен:

— Выходит, точного срока вы не наметили.

Фань Уцзю, видя, что Люцзин уже изрядно захмелел, заботливо пододвинул к нему пиалу с крепким чаем.

— Чем скорее уладим дела, тем лучше, — вздохнул Люцзин, сделав глоток. Горячий терпкий настой немного прояснил мысли. Ему действительно стоило поторопиться, чтобы успеть вернуться в Подземное царство до того, как Цзюцин забьет тревогу.

— Откуда вы родом, господин Люцзин? Если судьба забросит меня в ваши края, я бы с радостью нанес вам визит, — спросил Шаоцзы. Заметив, что гость слегка покраснел, он понял, что хмель берет свое — впрочем, они оба успели выпить изрядно.

"Неудивительно, что даже Яньгу хмелеет от земного зелья, — подивился Люцзин. — Но откуда у этого юнца такая выдержка? Сидит как ни в чем не бывало"

— Мой дом слишком далеко, не стоит утруждать себя дальней дорогой, — уклонился от прямого ответа Люцзин.

— Разве есть под небесным куполом место, куда человек не сможет дойти, коли у него есть ноги? — рассмеялся Шаоцзы.

— Дело не в расстоянии, а во времени, — серьезно возразил Люцзин. — Вы, как будущий торговец, должны понимать: тратить драгоценное время на пустое путешествие — непозволительная роскошь.

Шаоцзы поднес чарку к губам, но пить не спешил. Он тонко усмехнулся:

— Смотря ради кого и ради чего тратить это время.

— Золотые слова, — Люцзин отсалютовал ему своим кубком.

За дружеской пикировкой незаметно растаял еще один кувшин. Несмотря на выпитый чай, сознание Люцзина заволокло приятной туманной дымкой.

Солнце клонилось к закату. Золотистые косые лучи просачивались сквозь жемчужные шторы, заставляя пылинки кружиться в ленивом вальсе, а черепичные крыши города за окном вспыхивали багряным пожаром. К этому часу Люцзин был уже пьян без памяти.

— Надо же, мы просидели здесь до самых сумерек! — Шаоцзы удивленно покачал головой. За время их беседы слуги успели дважды полностью сменить закуски на столе. — Видно, правы люди: с хорошим собеседником время летит незаметно.

Сам Шаоцзы тоже едва держался на ногах. Он лихорадочно покраснел, а голос звучал хрипло и тихо:

— Жизнь без забот всегда летит как стрела.

Люцзин с трудом поднялся, цепляясь за край стола, и вежливо поклонился:

— Вино прекрасно, но меру знать надо. Сегодня мы знатно повеселились. Позвольте откланяться, встретимся в следующий раз.

Шаоцзы покачнулся, сиюсь сохранить равновесие, но все же хмельно улыбнулся:

— Уговор! В следующий раз платишь ты.

— Договорились. Фань Уцзю, будь добр, помоги молодому господину Цюю добраться до дома, — попросил Люцзин, заметив, что юноша едва держится на ногах. Впрочем, сам бессмертный чувствовал себя ничуть не лучше.

— Премного благодарен, — пробормотал Шаоцзы.

Фань Уцзю ловко подхватил его под локоть и повел к выходу.

У дверей трактира они распрощались. Люцзин и Се Биань побрели в одну сторону, Фань Уцзю с Шаоцзы — в другую. Се Биань шел ходко и прямо, словно и не притрагивался к вину.

— Ты перебрал, — негромко обронил Се Биань. Это была первая фраза, которую он произнес за весь долгий день.

— Да откуда мне было знать, что этот малец окажется бездонной бочкой? — Люцзин тихонько икнул, потер виски и жалобно протянул.

Лю Ли, пившая только чай, выглядела бодрой и веселой, хотя ее одежда тоже насквозь пропиталась винным паром. Она с гордостью заметила:

— У брата Шаоцзы невероятное здоровье. Еще никто не мог перепить его. Вы первый, господин Люцзин, кто уложил его на лопатки!

"Еще бы! Я ведь один из трех главных пьяниц Подземного царства. Проиграть смертному мальчишке в хмельной дуэли — опозориться на всю жизнь"

Они вернулись в поместье Лю. Хозяев дома все еще не было. Видя, что Люцзин едва соображает от выпитого, Се Биань велел ему отправляться в опочивальню, пообещав уладить все формальности с домашними.

Кое-как добравшись до постели и наскоро умывшись холодной водой, Люцзин рухнул на мягкие простыни. Спустя некоторое время сквозь сон он услышал тихие шаги и знакомый голос вернувшегося Фань Уцзю. Убедившись, что все в порядке, бессмертный наконец провалился в глубокий, безмятежный сон.

<http://bllate.org/book/18339/1866328>